

Ольга де Бенуа

Ниоткуда ~~~~~
С ЛЮБОВЬЮ

стихи из карантина

Ольга де Бенуа
Ниоткуда с любовью.
Стихи из карантина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55330180
ISBN 9785449876690*

Аннотация

Сидя на карантине в цветущем пустынном Париже две тысячи двадцатого года мартабря месяца по григорианскому календарю, я решила исполнить давнюю мечту и записать свои стихи. Меланхоличные, как завывания Гамлета над черепом бедного Йорика, честные, как ответ на вопрос лучшей подруги «идет ли мне это платье цвета вчерашней тоски?», пульсирующие, как кровь в жарких венах влюбленной женщины, которая понимает «точно подлец!», но еще не решается принять это... В этой книге собраны мои стихи разных лет.

Содержание

Синий альбом. Весна	9
Семь жизней	10
Словопляски	11
Лошади	14
На Востоке	16
Дом поэта	18
Порог	20
Возвращение	21
Почему-то	23
Боже в Conditionnel	24
Осеннепомазание	26
Костер	27
Дверь в лето	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ниоткуда с любовью Стихи из карантина

Ольга де Бенуа

Редактор Людмила Шилина

Дизайнер обложки Арно де Бенуа

Фотограф Мария Кологреева

Иллюстратор Ольга де Бенуа

© Ольга де Бенуа, 2020

© Арно де Бенуа, дизайн обложки, 2020

© Мария Кологреева, фотографии, 2020

© Ольга де Бенуа, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-7669-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

“
А ночь – лишь отсутствие дня,
дьявол – Бога
”

*Никогда с любовью, надцатого мартабря...
Иосиф Бродский*

Сидя на карантине в цветущем пустынном Париже две тысячи двадцатого года мартобря месяца по григорианскому календарю, медленно, но исправно выздоравливая от короны, самого известного и разыскиваемого вируса XXI века, я решила напомнить ветреной судьбе, что еще жива, и записать *аудио-альбом со своими стихами*. «**Ниоткуда с любовью**» – начало моего любимого стихотворения Иосифа Бродского.

Когда-то в юности я писала не прозу, но стихи. Такое иногда бывает с писателями. Стихосложение привлекает нас, завораживает, учит держать слог, не бояться экспериментов и, что главное, не стесняться своего творчества. Стихи, как и первая любовь, дают нам крылья.

В этой книге собраны стихи разных лет. Меланхоличные, как завывания Гамлета над черепом бедного Йорика, забавные, как выкрутасы рыжего кота, честные, как ответ на вопрос лучшей подруги «идет ли мне это платье цвета вчерашней тоски?», дерзкие и веселые, словно д'Артаньян на своей трехкратной дуэли, холодные, как клинок, вонзающийся в сердце, и пульсирующие, как кровь в жарких венах влюбленной женщины, которая понимает «подлец, точно подлец!», но еще не решается принять это.

Многие из этих стихов были написаны в две тысячи девятом году, когда я уже несколько месяцев как переехала в Париж. Никогда в своей жизни я не была так одинока. И я писала, писала изо всех сил. Я просто разговаривала сама

с собой в рифму. Есть здесь и более ранние стихи, написанные в новосибирском Академгородке во время вечной зимы, и в Ташкенте, во время вечного лета. Все эти стихи, несмотря на их вопиющее несовершенство, и даже благодаря ему, дороги моему сердцу.

Разбирая старые архивы во время карантина, я наткнулась на них и подумала: «Пусть они звучат!» И решила поделиться с вами. Ну и со мной, сегодняшней. Все стихи в моем альбоме разделены на четыре периода – Весна, Лето, Осень, Зима. Как в одном прекрасном фильме.

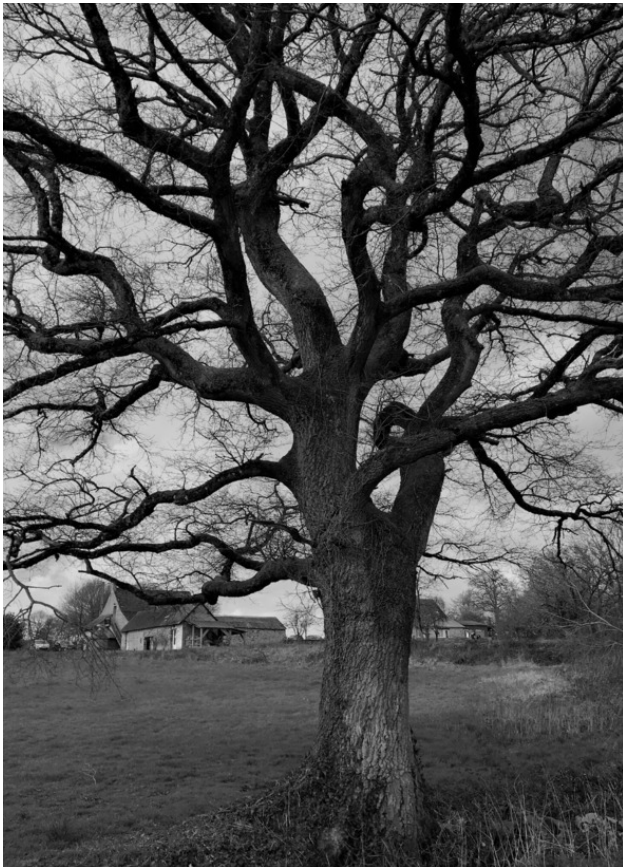
Прослушать альбом можно у меня на сайте: www.olgadebenoist.com.

В книге использованы фотографии **Уалида Берразега** (стр. 3, 63), **Марии Кологреевой** (обложка, стр. 71), **Регины Бакировой** (стр. 68, 75), **Натальи Ильиной** (стр. 10), **Арно де Бенуа** (стр. 6, 18, 26, 39, 55, 93), а также мои.

Ольга де Бенуа

Синий альбом. Весна

Семь жизней

Семь нитей в ладонях разгаданы мной,
Семь жизней подарено мудрой судьбой.
Семь раз воскрешения песню спою.
Семь раз я возвышусь. Семь раз полюблю.
Лизнет мои руки забвенья прибой,
Все смоет. Мне явится тихий Восьмой,
Поманит улыбкой неведомый странник
Туда, где дарован мне вечный покой.

Словопляски

Я знаю, что буквы в стихах будто пляшут
Так резво и глупо, что валяются в кучу.
Слова, словно люди – уходят, приходят,
Нарежут следы на помятой бумаге души.
Я узнаю, что значит быть кем-то,
Кто много следов за собой оставляет.
Ты вспомнишь о том, что была я красивой
И доброй, но вовсе теперь не такая.
Два круглые блюдца: луна или солнце?
Неважно. Но все же одно золотое,
Другое так бледно... Наверно, подделка.
А ночь – лишь отсутствие дня, дьявол – Бога.
Не верю, не верю ни в вечность, ни в смертность!
Все будет как надо, но лучше б с улыбкой!
Да я ж не умею – рассыплюсь я смехом,
И вспомню, что смех, словно иней застывший.
Как мне рассказать тебе, милый невежа,
О том, что внутри у меня и снаружи?
Снаружи старею, хотя молодая.
Внутри? Я не знаю – темно там и сыро.
Отдай меня Богу, пусть он разберется
С моим заржавевшим и злым механизмом.
Что сможет – починит, а если не сможет,

То, значит, другой сотворил меня Мастер.
Добавить ли что-то в мои словопляски?
Закончилось время, а время что слово:
захочет – излечит, но все-таки злое,
отпляшет свое. И исчезнет.

Лошади

Очень хочется, чтобы все лошади
Были белыми, ну или черными.
Чтобы были они настоящими,
И ни капли в них не было выдумки.
Чтобы ели зеленые яблоки,
Осторожными теплыми мордами
Утыкались в ладони и фыркали.
И со мною умчались куда-нибудь.
И еще я хочу одиночества,
Но такого, чтоб было как облако,
Невесомое и необъятное.
А за облаком пусть будет солнечно.
И, конечно, немного бы красного —
Это значит, вина или памяти,
Или красных сандалий на бежевом,
Или вишен – но спелых и с сахаром.
Чтоб ко мне приходили истории,
Разувались под дверью и шепотом
Мне придумывали обстоятельства,
При которых они совершаются.
А еще – не любви, но предчувствия,
Ожидания и непонятности,
И чужого на пальцах дыхания,

Незнакомого, но уже близкого.
И еще бы дожить до субботы.
Или, если смогу, то до лета.
Только, кажется, это не сбудется.
И мне кажется, я умираю...

На Востоке

Молчу словами. Пытливо гляжу на Восток.
Запираю тоску в подвалах надбровных дуг.
Надо мною, как нимб, некий абстрактный бог
Под названием память. Простой, но неверный друг.
У меня два лица. Так удобнее лгать богам.
Девять истин. И каждая мне к лицу.
Расчлняя ночь по ямбам, как по слогам,
Я гляжу в темноту и как будто чего-то жду.
На Востоке полночь крадется рядами крыш,
Слышно – кто-то родился ногами в ад,
Дикий гений. А может, простой малыш.
Осчастливленный так, что, конечно, и сам не рад.
Тишина. Кто-то спит и видит во сне меня.
Может, спит и видит меня забыть.
Лунный всадник взнуздал своего коня —
Целый месяц будут плакать, гулять и пить.
Растворяю объятия. Чертит круги ладонь.
Извивается память, придавленная к земле.
Я плюю в темноту. Или, может, роняю стон.
Он падет, тяжелый, как поступь убийц во сне.
На Востоке полночь обиженно льнет к окну,
Растворяет створки, с размаху влетает в дом.
Мы встречались с нею когда-то лицом к лицу.

А сегодня ты с нею столкнешься надменным лбом.
Я черчу круги, полоумная от тоски.
Вышиваю вечность. Стежок за стежком – завет.
На Востоке спит, на груди две скрестив руки,
Кто-то странно важный. Кто был. Но кого уж нет.

Дом поэта

Деревья склоняются ниже, ниже...
В безлиственных ветках застыло небо.
За старую рамой гораздо тише,
Чем в доме, где царствует запах хлеба.
Окно, как преграда меж миром белым
И миром с желтым слепящим светом.
В мире белом живет воспаленное небо,
А в желтом – стихи и песни поэта.
Поэт жаждет неба, о нем лишь пишет,
Живя в своем тихом, застывшем доме.
И кроме неба, и света кроме
Почти ничего в этом мире не слышит.

Порог

Когда хлопнет в затылке немая дотоле дверь
пробкой отзвеневшего в ушах шампанского,
я пойму, что ты теперь – одинокий зверь,
а я – Горькая луна Романа Поланского.
Аскорбиновым кругом замкнется слух.
Одиночество слизнет губы.
Ты – за тем порогом, который Кнут Гамсун
назвал бы промахом Робина Гуда.

Возвращение

Мы повернулись к Городу спиной.
Дышал он тихо, словно спящий зверь...
Мы медленно брели с тобой домой,
Нас ждали сон
и теплая постель.
Устали мысли. Ноги в тишине
Цедили шаг за шагом по грязи...
Ни слова.
В павшем словно Дьявол дне
Покой; он был, он ждал, чтоб мы ушли.

Почему-то

Почему-то нету боли,
Мыслей вечных и глубоких,
Книг, CD, полей тетрадей,
Засыпаний поминутных.

Почему-то нету боли.
Тяготенья и сомненья.

Пальцев, сбитых в кровь о стену.
Растормошенных улыбок.

Почему-то нету снега,
Красных звезд в глазах от нервов.
Почему-то нет ни нервов,
Ни уменья с крыши – махом.

Почему-то нету боли, только завтра и сегодня, ежедневные заботы, деньги на кредитной карте, да глава вторая книги, и французская весна.

Боже в Conditionnel

Это все, что ты не хотела, и все, что тебе осталось.

Немного вина и снега, дрожащая, как свеча, усталость, девять чертей на сердце, три слезинки в ресницах, два поцелуя крест накрест, и тихое – в пятницу бы упить-

ся...

А Он не хотел бы тебе такого!

Он, может, хотел бы тебе лета, стройных мелодий твоей прозе и вопросов твоих глупых. Чтобы ты смеялась по-вечернему тихо, одевалась, как Дама-в-Синем, и не думала, что в Клавесине больше черных клавиш, чем белых.

А ты умела быть сильной – не ронять трех слезинок с ресницы, если орать, то в голос – так, как просят детишки зрелищ, умела быть злой и страстной, недосыгаемо мудрой... Но все, что тебе осталось, – это немного снега, шершавость сухих ладоней, французские сны в Париже и кольца на слабых пальцах, и Боже в conditionnel.

Осеннепомазание

все тропы избыты, забыты, искошены
сегодня весна – я скучаю по осени
со мною апрель – я скучаю по осени
чтобы были дожди и туманные просини
все мысли забились избитые сказанные
проси за весну – тебе будет отказано
просите меня – всем вам будет отказано
я жду мирового осеннепомазанья
всего лишь одно меня мучает скромное
дурное желание мутное вздорное
чтоб стали кострами из листьев задорными
все мысли банальные злые бессольные
все то чем я маялась скукой исколотая
когда-нибудь выльется в гулкое золото
и будет стучать по земле звонким молотом
быть может никем до конца и не понятое
апрель настигает – не те кости брошены
я все же приближусь к своей доброй осени
скачусь по земле листопадом непрощенным
на тихие дни и туманные просини

Костер

В глубине себя разведу костер.
Будет он высок, будет он красив.
Огненным цветком распушусь к весне.
Будет он цвести, будет он расти.
Всех согреет он, но сожжет меня.
Соберутся все у огня весны.
Ворохом из искр разлечусь я вниз.
Вспомнит кто-нибудь? Может быть, и ты.
А пока горю, а пока живу.
Мягкий поцелуй, песни у огня.
Кто-нибудь взлетит всед за мной к весне.
Кто-то упадет. Не найдет меня.
Бабочкой-огнем лица освещу.
Вот мои друзья. Все меня хранят.
Лучше вмиг сгореть, чем тихонько тлеть
У чужих огней или без огня.

Дверь в лето

Когда-нибудь проснемся прямо в лето.
И будет тюль порхать над облаками.
И кто-то рядом, милый, добрый, светлый,
Нам скажет: вот об этом мы мечтали.
И будет нега, и немного лени.
Дороги, дураки, столпотворенья,
И комары, и, может, даже тени,
А может, просто шумная веранда.
Мы просыпаемся, как будто вечно вместе.
Босой ногой по теплым половицам.
Сейчас весна. Но летом мы, как птицы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.